

Заключение

Summa numismatica

Представленная выше совокупность сведений о монетах и их месте в культуре Средних веков не имеет и не может иметь характера ни исчерпывающей компиляции источникового материала, ни полного обзора проблем, которые этот материал предлагает для разрешения. И в той и в другой области нетрудно сделать дополнения, зато трудно составить их полный перечень, после чего уже не нашлось бы места ни для вопросов, ни для ответов. Об этом хорошо знают многие исследователи монет, авторы работ, выборочный список которых содержится помещенный далее обзор новой литературы по данной теме. Но еще более обширным был бы список работ, посвященных истории средневековой культуры, полностью опускающих этот вид исторических источников и перечень вопросов, которые хотя бы частично представлены в этой книге. Так может место монеты в культуре Средних веков было столь скромным, что не заслуживает большего внимания?

Конечно, содержащийся на монетных штемпелях литературный и иконографический материал не обнаруживает высших интеллектуальных и художественных достижений Средневековья. Однако он является верным отражением той эпохи, типичным произведением ее культуры и свидетельством ушедших времен. Короткие тексты и простые изображения на отдельных монетах, может, и мало что говорят, но собранные вместе они дают своеобразное изложение тогдашних представлений о мире и образы перемен в способе восприятия этого мира. Эта совокупная *Summa numismatica* [1] охватывает или хотя бы затрагивает почти все основные категории и проблемы средневековой культуры — власти и подчинения, богатства и нищеты, правды и лжи, добродетели и порока, добра и зла, смирения и гордыни, а еще самовосхваления, справедливости, алчности, веры, магии, чести, обычая, труда, времени, знака, символа, слова и письма, образа, числа, ин-

формации, пропаганды, эстетики — и еще целое множество вопросов, которые нашли в ней отражение. Не обо всех них говорилось выше, да и те, что были представлены, конечно, можно рассмотреть гораздо внимательнее, подробнее, в более широком или другом контексте. Но тогда с неизбежностью возникнут следующие вопросы, и будут предприняты попытки дать новые ответы, как это обычно и происходит в исследовательской работе.

Как вся культура христианского Средневековья опутана идеей параллелизма макро- и микрокосма, выражается языком символов и аллегорий, заключена в условные схемы, так и повествование об окружающем мире, помещенное на монетные штемпели, является продуктом соответствующего способа восприятия и выражения. И это повествование тем более аутентично и правдиво, что вели его не ученые корифеи, строившие собственные системы мировоззрения, а бесчисленное множество авторов штемпелей, которые на протяжении столетий в сотнях мастерских почти во всех странах Европы старались использовать и приспособить язык этого повествования к окружающим их реалиям. Именно эта подлинность позволяет заметить на штемпелях явления и процессы, отмеченные в географической и хронологической таблицах так, что это не всегда совпадает с другими, повсеместно признанными факторами культурного развития. Эти особенности, несомненно, отчасти являются результатом возможных ошибок, возникших из-за невежества или случайных искажений принятого всеми кода, в некоторой степени проистекают из существования воздействующих течений, вызывающих распространение некоторых образцов и моделей независимо от основного потока культурных влияний; наконец, они могут быть результатом иного понимания знаний о мире или иного их приложения в отдельные периоды и в разной социальной среде. Ведь монеты, несмотря на то, что они создавались по преимуществу в более или менее близком окружении правителя — впрочем, в широком и весьма разнообразном понимании значения последнего слова — все же подвергались воздействию и других слоев и групп, прежде всего клира, позже горожан, особенно купцов, иногда рыцарства, влиявших на формирование как их материальных характеристик, так и содержания, и форм их штемпелей. Они являлись индикаторами не только интересов всех этих социальных групп, но и их ментальности, не всегда совпадающей с канонами, навязанными современными им литературой и искусством. Поэтому при всех аналогиях, и даже больше — при всех условностях и зависимостях, позволяющих считать монетные штемпели артефактами пластической и словесной культуры, характерной для данного места и времени, они сохраняют своеобразную автономность, будучи не только еще одним свидетельством этой культуры, но и информационно дополняя ее, по крайней мере на некоторых территориях.

Наверное не по слепой случайности эту автономность в гораздо большем масштабе демонстрируют монеты, происходящие из регионов, не относящихся к наиболее развитым в данный период ни в культурной, ни в экономической

Наиболее характерные примеры дают здесь многократно упомянутые монеты, появившиеся в XII—XIII вв. в центральноевропейских и восточноальпийских регионах, а также в конце XIV—XV в. на Руси. Аналогии между этими группами, относящимися к разным областям цивилизации, не обнаружены ни в плане взаимосвязей и взаимовлияний, иллюстрируют феномен культурной конвергенции, по всей видимости базирующейся на сходстве социально-экономических условий, возникших независимо друг от друга в двух отдаленных регионах. Именно там появились монеты с наиболее разнообразными штампами, богатыми с точки зрения представленного содержания, хотя не всегда ставшие полностью исполненными, особенно по сравнению с современной им продукцией западноевропейских монетных дворов. Однако для истории культуры монетного дела имеют большое значение, ибо демонстрируют живучесть изолированного языка, использовавшегося как средство общественного договора. Конечно, эти сообщения были выражены в той же системе знаков и символов, которой пользовалась вся культура христианской Европы; они понимались и передавались менее жестко, может быть, порой даже не очень осознанно, но с тем большей произвольностью, на которую можно было расширить если не само поле функционирования культуры, то по крайней мере, сферу ее восприятия, выражения и распространения. Таким образом штампы монет, отчеканенных как раз в те времена, якобы периферийных территориях, имеют отличный от повсеместно принятого и в тот момент обязательного в Европе смысла некоторых понятий: «король» здесь может означать «князь», гарпия может символизировать правителя, а дьявол стать положительным персонажем. Подобные смещения вытекали не только из невежества или непонимания литературных либо канонических трафаретов, но иногда и из меньших ограничений для авторского творчества, менее подчиненного условностям, касающимся формы и содержания сообщения. Именно на этих окраинах европейской культуры еще в конце средневековья встречались монеты со штампами, не укладывавшимися в типологические и идеологические программы. Если в Великом княжестве Тверском в XV в. появились монеты, представляющие охотника с медведем, то их, хоть и не без оговорок, можно отнести к большой группе штампов, прославивших правителя, на этот раз в роли отважного охотника. Однако немного времени спустя на аналогичных тверских монетах появляется фигура дровосека с топором в руке, наклонившегося над пнем (661; 309) [2], этот мотив явно выходит за условленные рамки, вводя в обращение образ труда, вообще не отраженную в мировоззрении, характерном для штампов средневековых монет. Если на сотнях европейских монет мы встречаем изображения звезды, солнца и полумесяца, то как правило, это словесные символы, относящиеся к религиозным и литературным текстам,

661

309. Денга. Русь. Великое княжество Московское. Около 1435 –

они тоже находят свое место в развитии культуры. Это место тем более существенно, что выделяется не только актом творения, но и широким распространением его результатов.

Повторим здесь мысль, уже высказанную на первых страницах этой книги: монета имела большие возможности, чтобы воздействовать на воображение ее пользователей, однако с условием, что помещенное на ней сообщение было им понятно, выражено на языке, характерном для данного культурного круга, и отвечало интеллектуальному уровню получателя. Трудно однозначно определить, в какой степени эти условия исполнялись в отдельных случаях, однако весьма вероятно, что это происходило чаще, чем принято сегодня считать, так как монеты несли тот же самый или аналогичный груз понятий и сравнений, с которыми их пользователи часто встречались и в других обстоятельствах: будь то при дворе правителя или в школе, и прежде всего — в церкви, рассматривая скульптуры витражи или же слушая воскресные проповеди, наполненные повествованиями о святых и поучительными примерами. Да и когда они видели стены башни королевского замка, проезжающую по дороге свиту сеньора с соколами, а также группу рыцарей с красовавшимися львами или угрожающими драконами на щитах, то это была их действительность, которую, несмотря на все условности, искажения и заимствования, на программное презрение к реальному миру, монетные штемпели должны были отражать и действительно отражали. Также можно предположить, что даже наиболее схематичные и обобщенные мотивы, такие как «замок», «храм» или «голова в короне», присутствующие на отдельных монетах, воспринимались в категориях бесспорной конкретики: вот замок в нашей местности, вот наша церковь, наш правитель. Особенно та монета, что хранилась дома, бралась в руки, рассматривалась вблизи, монета, которая являлась собственностью наблюдателя более, чем какие-либо иные современные ей предметы, внушала своим бесчисленным пользователям чувство причастности к событиям, происходящим вокруг. Этот пользователь, кем бы он ни был, находил в ней не только определенную денежную единицу, но и какой-то образ современного ему мира — каким он являлся, каким пользователь привык его видеть или хотя бы каким желал видеть. Так и мы, столетия спустя держа в руках этот металлический кружок с оттиснутым на нем знаком, стараемся найти в нем отражение тогдашней реальности и самосознания людей, участвовавших в формировании культуры Средних веков, отражение тогдашнего мира — такого, каким он был, а не только такого, каким мы привыкли или каким бы желали его видеть.